

помощникъ и заступникъ въ страшный часъ смерти! И онъ явится намъ въ лицѣ нашего Ангела Хранителя. *Свѣтло* предстанетъ онъ душѣ, *красенъ* своею добротою, и яко *сладкій*, и *веселый*, и *солнцеобразный умъ*, съ *ослабленнымъ* лицемъ и *радостнымъ* воззрѣніемъ, *надеждою спасенія* отъемля страхъ, *простретъ* свѣтлыя и *пресвященныя* своя крыла надъ умирающимъ, *отженетъ* горькія враги, *ищущіе* пояти душу его... и *студъ* и *срамъ* покрываетъ *студная* и *смердная* и *мрачная* лица вражія (кан. Ангелу Хран.)! Но такъ будетъ только съ тою душою, которая въ жизни по возможности старалась приблизиться къ Ангеламъ. Будемъ, братіе, помнить страшный часъ смерти. Будемъ усердно молиться Ангелу-Хранителю: Ангеле Божій, Хранителю и покровителю души и тѣла моего! *да узрю тя одесную* окаяныя моя души *предстояща*, *свѣтла* и *тиха* *заступника* и *предстателя* моего, *всегда* *исчезати* отъ мене *нуждно* *духу* моему. и *ищуща* мя *пояти*, *горькія* *враги* *отгоняюща* (кан. Анг. Хран.)!

„*Страшно* и *грозно* *мѣсто* *имамъ* *проити*, *тѣла* *разлучився*, читаемъ въ молитвѣ къ Спасителю, и *множество* *мя* *мрачное* и *безчеловѣчное* *демоновъ* *срываетъ*“... Это будетъ послѣднее усиліе со стороны злыхъ духовъ погубить душу, дѣлавшую на землѣ много грѣховъ. На каждомъ шагу они будутъ преграждать ей путь въ царствіе, на каждомъ шагу останавливать и удерживать ея стремленіе къ оному, истязуя ее за все дѣла, за все слова, за все помышленія. Каждая страсть, каждый грѣхъ имѣетъ своихъ мытарей и истязателей... Какимъ страхомъ, какимъ трепетомъ будетъ волноваться тогда душа! Если когда, то теперь нужны ей помощники и заступники. „Если отъправляясь въ каюю нибудь далекую и малоизвѣст-

ную страну требуемъ проводниковъ; то сколько нужно помощниковъ и руководителей, чтобы пройти безпрепятственно мимо старѣйшинъ, властей, міродержителей, гонителей, мытареначальниковъ“ (Златоустъ). И эти помощники и заступники непременно явятся,— это опять нашъ Ангелъ-Хранитель, но уже не одинъ, а вмѣстѣ съ другими Ангелами. И если душа въ этой жизни вела жизнь благочестивую, очистила себя поканіемъ, она находитъ защиту у своего Ангела-Хранителя, и подъ его кровомъ небоязненно потечетъ къ небесному царствію, сопровождаемая Ангелами. Тогда-то, видя за собою пропасть, которая готова была поглотить ее, видя позади себя враговъ съ огненною яростію искавшихъ ея гибели, она изливается въ славословіи и благодареніи Господу, Который, пославъ Своего Ангела, не отдалъ ее на растерзаніе зубамъ ихъ, избавилъ ее, какъ птицу отъ сѣти ловящихъ...

Замѣчательное сновидѣніе.

(Покойнаго Ярославскаго Архіепископа Нила).

Въ прошедшемъ 1871 году, состоявшій въ пѣвческомъ хорѣ, А. Я., проживъ не болѣе 24-хъ лѣтъ, умеръ отъ эпидемической холеры. Черезъ девять дней послѣ смерти, именно утромъ 16 іюля, явился онъ мнѣ во снѣ.

На немъ былъ знакомый мнѣ сюртукъ, только удлиннѣвшій до пятъ. Въ моментъ явленія ко мнѣ Я-ва сидѣлъ я у стола гостинной своей, а онъ вошелъ изъ залы довольно скорымъ шагомъ, какъ это и всегда бывало. показавъ знаки уваженія ко мнѣ, приблизился онъ къ столу, и не сказавъ ни слова, началъ

высыпать на столъ изъ подъ жилета мѣдныя деньги съ малой примѣсью серебряной, очень истертой монеты.

Съ изумленіемъ спросилъ я: Что это значитъ? Онъ отвѣчалъ: На уплату долга *).

Это меня очень поразило и я неоднократно повторилъ: Нѣтъ, нѣтъ, не нужны твои деньги, самъ заплачу твой долгъ.

При словахъ сихъ Я—въ съ осторожностію сказалъ мнѣ: Говорите потише, чтобъ не слышали другіе.

На выраженную же мною готовность уплатить за него долгъ онъ не возражалъ, а деньги не укоснилъ сгрести рукою со стола. Но куда положилъ онъ ихъ, не удалось мнѣ замѣтить, а кажется онъ тутъ же исчезли.

За тѣмъ, вставши со стула, я обратился къ Я—ву съ вопросомъ: Гдѣ находишься ты, отшедши отъ насъ?

Отв. Какъ бы въ заключенномъ замкѣ.

Вопр. Имѣете ли вы какое либо сближеніе съ Ангелами?

Отв. Для Ангеловъ мы чужды.

Вопр. А къ Богу какое имѣете отношеніе?

Отв. Объ этомъ послѣ когданибудь скажу.

Вопр. Не въ одномъ ли мѣстѣ съ тобою Миша **)?

Отв. Не въ одномъ.

Вопр. Кто же съ тобою?

Отв. Всякій сбродъ.

Вопр. Имѣете ли вы какое развлеченіе?

Отв. Никакого. У насъ даже звуки не слышатся никогда; ибо духи не говорятъ между собою.

*) Надобно замѣтить, что наканунѣ приходила отъ фотографа Г—а, объявляя, что по книгамъ техника сего значится за Я—мъ четыре рубля.

***) Миша малый пѣвчій, жившій въ одной комнатѣ съ Я—мъ и скончавшійся года за четыре предъ тѣмъ.

Вопр. А пища какая либо есть у духовъ?

Отв. Ни-ни... Звуки эти произнесены были съ явнымъ неудовольствіемъ и конечно по причинѣ неумѣстности вопроса.

Вопр. Ты же какъ чувствуешь себя?

Отв. Я тоскую.

Вопр. Чѣмъ же этому помочь.

Отв. Молитесь за меня: вотъ до нынѣ не совершаются заупокойныя обо мнѣ литургіи.

При словахъ сихъ душа моя возмутилась, и я сталъ предъ покойникомъ извиняться, что не заказалъ сорокоуста; но что непременно сдѣлаю. Послѣднія слова видимо успокоили собесѣдника.

За симъ онъ просилъ благословенія, чтобъ идти въ путь свой. При этомъ я спросилъ его: Нужно-ли испрашивать у кого либо дозволенія на отлучку? Отвѣтъ заключался въ одномъ словѣ: да. И слово сіе произнесено было протяжно, уныло, и какъ бы по принужденію.

Тутъ онъ вторично попросилъ благословенія и я благословилъ его, знаменуя большимъ крестомъ съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ:

„Благословить тя Господь отъ Сіона, живой во Иерусалимѣ, отнынѣ и до вѣка.“

Надобно замѣтить, что слова сіи вовсе не обычны для меня, и только во снѣ уста произнесли ихъ.

Однакожь Я—въ не удовольствовался симъ благословеніемъ, ибо оно произносилось въ тотъ моментъ, когда онъ занятъ былъ застегиваніемъ пуговицъ и вообще поправкою одежды, чтобъ идти въ путь. И такъ просьба благословенія, съ простертіемъ рукъ для его принятія, еще разъ повторена была и я въ послѣдній разъ благословилъ его, произнося:

„Буди благословенъ во вѣки, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.“

Я—въ сильно прижалъ руку мою къ устамъ своимъ; ему не хотѣлось выпустить ее. Сочувствуя ему, я облобызалъ его отеческимъ лобзаніемъ, вполне сознавая, что онъ есть гость, пришедшій ко мнѣ изъ другаго міра. И тутъ сталъ я вглядываться въ него и, вглядѣвшись пристально, увидѣлъ неизмѣнныя знакомыя мнѣ черты. Только бѣлизна и утонченность измѣняли прежній типъ. Къ тому же потъ въ видѣ росы покрывалъ лицо; а глаза при яркости своей выражали утомленіе и упадокъ силъ душевныхъ.

Вышелъ онъ отъ меня дверью, обращенною къ Туговой горѣ, на которой покоится прахъ его. За нимъ слѣдилъ я съ чувствомъ глубокой скорби и съ пламеннымъ желаніемъ видѣть слѣдъ его. И чтожь? Сверхъ всякаго чаянія очутился я на горномъ хребтѣ, раздѣленномъ на двое. Съ высоты хребта, въ глубинѣ разсѣлины, увидѣлъ я тотъ самый замокъ, о которомъ вспоминалъ Я—въ.

Замокъ имѣлъ форму параллелограмма. Изъ четырехъ стѣнъ его только въ одной, къ югу обращенной, замѣченъ мною малый просвѣтъ, да и тотъ съ желѣзною рѣшеткою. Кромѣ сего единственнаго просвѣта стѣны представляли сплошную массу безъ оконъ, дверей и даже безъ кровли. Последнее обстоятельство дало мнѣ возможность видѣть, хотя сквозь полумракъ, внутренность замка и совершающееся въ немъ. Особенно благоприятствовало мнѣ положеніе мое на окраинѣ горы, поднимавшейся гораздо выше стѣнъ. Казалось, что взоръ мой досягалъ до самаго дна. Но, вглядываясь пристально, я замѣчалъ въ глубинѣ только мракъ, движущійся на подобіе черныхъ облаковъ или

волнъ; но проявленія жизни и опредѣленныхъ формъ тутъ ни слѣда не было. Наконецъ душа моя возмущалась: я увидѣлъ Я—ва, за нѣсколько предъ симъ минутъ посѣтившаго меня. Мѣстомъ же для него служилъ уголь зданія, обращенный къ сѣверо-востоку. Онъ сидѣлъ съ понижшею головою и поджатыми ногами, а руки сложены были на крестъ. Одежда же его заключалась въ сорочкѣ, проявлявшей бѣлизну, даже сквозь мракъ. Бѣлизна эта, среди господствующаго всюду хаоса, показалась мнѣ чрезвычайнымъ явленіемъ, и у меня родилась мысль, что положеніе Я—ва не безотраднo, и онъ имѣетъ нѣкій почетъ сравнительно съ прочими узниками сего заключенцами. Недвижимость же Я—ва дала мнѣ такой вопросъ: Уже ли душамъ умершихъ воспрещено всякое движеніе и всякая перемѣна позицій? И когда такимъ образомъ мысль моя и взоръ будто магнитомъ влеклись къ Я—ву, какой-то почтенной наружности человѣкъ, невѣдомо какъ и откуда очутившійся позади меня и стоявшій на нѣкоторомъ возвышеніи, обратилъ вниманіе мое въ противоположную сторону. Я замѣтилъ, что южная стѣна, на небольшомъ протяженіи, въ части примыкающей къ просвѣту, медлительно и грозно приподнимается; въ слѣдъ за тѣмъ въ основаніи стѣны, на мѣстѣ подъема или точнѣе зѣва показался на мгновеніе свѣтъ; а внутри вертепа произошло колебаніе мрака съ оцутительнымъ движеніемъ воздуха. А еще минута и все пришло въ прежній порядокъ. Какъ ни велико было въ эту пору смущеніе мое, но все таи я старался разгадать причину совершившагося предомно явленія.

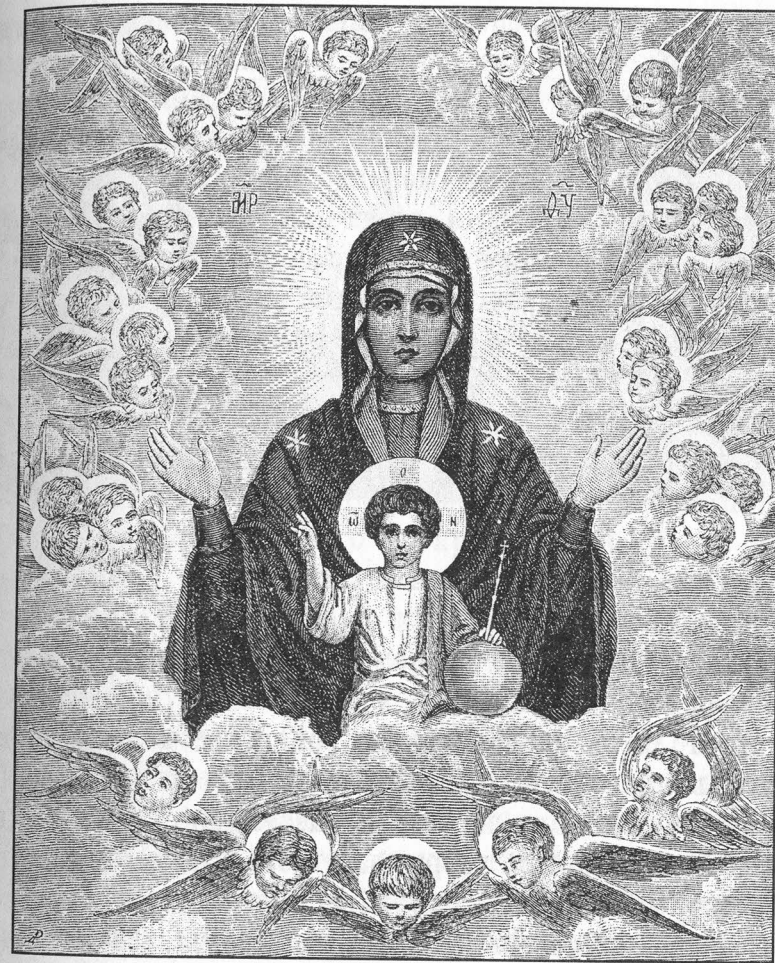
Благодаря таинственному незнакомцу, томился я не долго. Со стороны его донеслись ко мнѣ отвѣтныя

на мысль мою слова: „Это знакъ прихода новой пресельницы.“ Обратясь спѣшно въ ту сторону, внимательнымъ взоромъ искалъ я человѣка, который рисовался уже въ воображеніи моемъ Ангеломъ, свыше посланнымъ; но поискъ не привелъ меня ни къ чему. Я видѣлъ предъ собою лишь безжизненную и страшную пустыню.

Картина эта, съ рядомъ предшествующихъ явленій, до глубины возмутила душу мою, и я проснулся. И тутъ же взялся за перо, чтобъ видѣнное передать писью менѣ съ возможною вѣрностію.

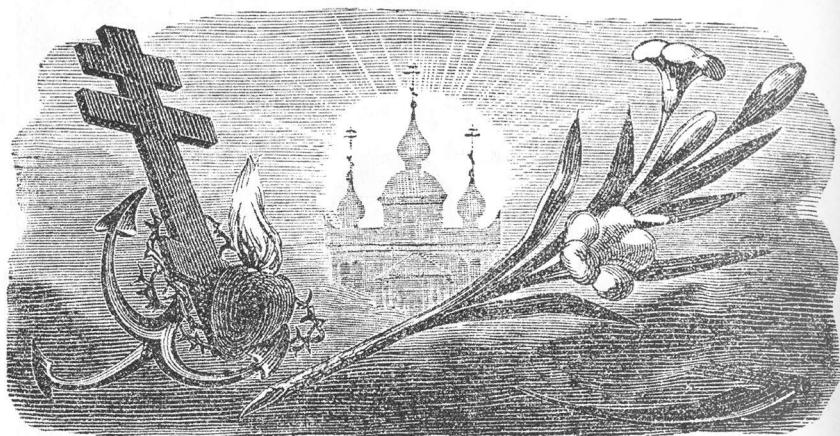
1872 г.

А. Н.

Радѣйся, Богородице, радосте Ангеловъ и человѣковъ. Радѣйся, Дѣво, христіанъ похвало. Радѣйся невѣсто неневѣстнамъ.

(Изъ службы Знаменію Пресв. Богородицы 27 Ноября).

О вѣчности.

(Изъ твореній Святителя Тихона Задонскаго).

Ничто такъ не подвигаетъ грѣшника къ покаянію, какъ вѣчность; и ничто такъ не полезно всякому христіанину, какъ память и разсужденіе о вѣчности. Вѣчность человѣка удерживаетъ отъ грѣха, усмиряетъ страсти, отвращаетъ отъ міра и всей его суеты, сокрушаетъ сердце, раждаетъ слезы покаянія, возбуждаетъ къ молитвѣ, и дѣлаетъ истинное сердечное воздыханіе. Вѣчности размышленіе и память можетъ и самого развращеннаго исправить. Вѣчности разсужденіе наполнило жителями пустыни, вертепы, горы и пропасти земныя. Вѣчность разсуждая, мученики святіи изволяли тяжчайшія мученія терпѣть, нежели нечестивыхъ царей волѣ покориться, и Христа отрещися. Отъ разсужденія вѣчности разбойники, убійцы, грабители, блудники и блудницы и прочіе тяжкіе грѣш-

ники сдѣлались святыми и избранниками Божиими. Слава человеколюбію Божію, яко всеѣмъ, и тяжчайшимъ грѣшникомъ, двери къ Себѣ отверзаетъ. Дивно, что нынѣшняго вѣка христіане, слыша въ Писаніи святомъ о вѣчности, однакожь такъ къ суетѣ міра сего прилѣпляются, и ищутъ въ мірѣ семь чести, славы и богатства, и созидаютъ, и расширяютъ и украшаютъ дома и прочія строенія, такъ какъ бы вѣчности не было. Дѣлаетъ то въ нихъ забвеніе вѣчности, и помрачаетъ сердца ихъ прелесть видимыя суеты. Возлюбленніи христіане! Напишемъ въ памяти нашей вѣчность, и будемъ неотмѣнно во всегдашнемъ истинномъ покаяніи, сокрушеніи сердца и молитвѣ, и никакою суетою міра сего не прельстимся, и отъ всякаго грѣха, какъ ядовитаго змія, уклоняться будемъ. Все намъ то, что сынамъ вѣка сего красно, благопріятно и дорого кажется, омерзѣетъ. Воистину довольни будемъ укромомъ хлѣба и малою хижиною и вретичнымъ одѣяніемъ. Сіе довольство содѣлаетъ въ насъ память и разсужденіе вѣчности. Знаете ли вы, что есть вѣчность? *Вѣчность есть начало безъ конца.* То есть единожды начнется, и никогда не кончится, или *всегда и никогда*, то-есть всегда будетъ и никогда не престанетъ. Сіе есть вѣчность. Все вѣки, отъ созданія міра до конца, суть какъ малѣйшій пунктъ противу всего міра, или какъ минута противу тысячи вѣковъ, или, лучше сказать, какъ ничто. Сіе есть вѣчность. Вѣчность двоякая есть, преблагополучная и пренеблагополучная. Въ преблагополучной вѣчности будетъ царство Божіе, будетъ Богъ видѣться лицомъ къ лицу, будетъ радость и веселіе неизреченное, душа и тѣло получить всесовершенное свое блаженство, и сподобится человѣкъ благихъ, *ихже око не видѣтъ, и ухо*

